

Ц.К. ВКП(б)

НАРКОМУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 1-го РАНГА

тов. БЕРИЯ.

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП(б) по НСО

тов. БАРКОВУ

НАЧ. УНКВД по НСО области

Майору Госбезопасности тов. КУДРЯВЦЕВУ.

От бив. пом. Начальника 2-го от-
деления 4-го отдела УГБ УНКВД
по ЗСК мл. лейтенанта госбезопас-
ности СОЙФЕР Б.И., г. Новосибирск.

Р А П О Р Т

9-го февраля 1937 года я был арестован по обвинению в том, что будучи рабочим винокуренного завода на Украине в м-ко Берла-ди бив. Тульчинского округа в 1927 году и будучи тогда комсомоль-цем я якобы выступал на районном комсомольском собрании в защиту к-р троцкистской оппозиции. Когда я во время следствия несмотря на то, что было лицами занимавшиеся созданием на меня свидетель-ских показаний о якобы моей виновности, доказал документами, что я будучи комсомольцем и рабочим винзавода с 1924 по 1928 г. призи-ва в армию, а затем в Красной армии являлся активным комсомольцем и рабкором ряда центральных газет, часто выступал на собраниях с критикой плохой работы отдельных лиц на заводе и что никогда не выступал в защиту к-р троцкистской оппозиции ни в комсомоле и ни в 1929г. в партии (будучи уже тогда чл. ВКП(б)), а наоборот вел беспощадную борьбу с к-р троцкистами.

В своих показаниях доказывая лживость созданных свидетель-ских показаний преступниками работавшие в УНКВД МОНТРИМОВИЧЕМ, МЕ-ДЫНЬКОВЫМ и белогвардейцем ЛОРЦЕМ я вписывал в протоколы моих показаний из "ятне у меня при обыске документы сохранившие ся в парт-деле, переписку с редакциями газет, требовал запросить из района протоколы общих собраний с моими выступлениями, эти прото-колы были УНКВД получены и никаких моих выступлений в защиту к-р троцкистской оппозиции не было, а были выступления против отдель-ных лиц разлагавшие производство, пертившие оборкдование и зани-

маншие хищениями и так как законченное в это же время аналогичное дело на арестованного в один день со мной КАЦЕНА (быв. опер.уполи. 5-го отдела) было в мае 1937 года в Москве прекращено и КАЦЕНА было предложено из под стражи освободить, то созданное на меня фиктивное дело о якобы моем выступлении в 1927 году на районном комсомольском собрании в защиту к-р троцкистской оппозиции, нельзя было никуда послать, ни в суд, ни на особое совещание, ибо в моих показаниях были по моему категорическому настоянию вписаны изъятия у меня при обыске документы и полученные настоянию вписаны изъятия у меня при им выступлениями за время моей работы на заводе и оно как фиктивное созданное дело было бы судом прекращено, то в мае 1937 года руковод-ство УНКВД МИРОНОВ и ГОРБАЧ совместно с особо-уполномоченным МОНТРИ-МОВИЧЕМ боясь послать мое дело на Особое Совещание, что-бы оно небы-ло прекращено, как и дело КАЦЕНА, дали задание создать на меня 2-ое фиктивное дело, что якобы я был завербован в 1936 году в к-р право-троцкистскую организацию и примененными ко мне пытками в Июле 1937 года в 4-ом отделе УГБ УНКВД Зам.Нач.отдела ПОГОДАЕВЫМ под руковод-ством Нач.отд. ПОПОВА Серафима Павловича требовали от меня подпи-сать готовый ими составленный и отпечатанный протокол якобы моего допроса, тогда как они меня не допрашивали, кроме меня в этом про-токоле были записаны еще как участники к-р право-троцкистской орга-низации 6 сотрудников УГБ УНКВД и только потому, что я этот фаль-шивый ими сфабрикованный протокол отказался подписать, из меня сде-лали тогда инвалида, затем вновь назначенным их ставленник Нач.4-го отдела провокатором ПАСТАНОГОВЫМ была арестована моя жена ДЮРЯГИНА А.А., активная комсомолка студентка 5-го курса Мединститута, отлич-ница и примененной к ней вистойке и оскорблениями она была доведена до полуобморочного состояния и подписала фальшивый, составленный под руководством ПАСТАНОГОВА протокол, что якобы она знала о к-р право-троцкистской деятельности мужа и вела к-р агитацию против вождей партии. Жену мою ПОСТАНОГОВ арестовал только за то, что она ему как Нач.4-го отдела позвонила по телефону спросила, что случи-лось с мужем и написала тов.СТАЛИНУ письмо о моем аресте, но оно было из почты изъято и не направлено тов. СТАЛИНУ. После ареста жены были конфискованы все принадлежащие нам вещи и таким путем отдельными лицами провокаторами-преступниками работавшие тогда в УНКВД была разрушена вся моя семья. Лишь только в марте 1939 года, когда мне удалось послать из тюрьмы заявление, которое было адресо-вано Нач.УНКВД Майору Госбезопасности тов.КУДРЯВЦЕВУ и мое заявле-ние было вручено тов. КУДРЯВЦЕВУ началось об'ективное расследование

440
148 3.

моего дела проверка созданных на меня фальшивых материалов и была вскрыта вся гнусная фальсификация имевшихся в деле материалов и я после 26 месяцев содержания меня под стражей я был из под стражи освобожден 26-го Марта 1939 года.

После освобождения я через УНКВД по НСО подал на имя Комиссара Госбезопасности 1-го ранга тов. БЕРИЯ и Майора Госбезопасности тов. КУДРЯВЦЕВА заявление на 36 печатных листах в котором более подробно изложил как было создано на меня фиктивное дело и все что было сделано со мной и моей семьей отдельными лицами работавшие тогда в УГБ УНКВД, создававшие на меня фиктивное дело методами позорящие органы НКВД, в этом же заявлении я написал, что находясь 26 месяцев в тюрьме, мне из рассказов лиц находившихся со мной в одной камере известны ряд преступных действий отдельных работников УНКВД по НСО, применявшие пытки к арестованным, заставляя их подписывать готовые, сочиненные ими самими (сотрудниками) протоколы и писать показания самим арестованным под их сотрудников диктовку. Я прошу ЦК ВКП(б) и тов. БОРКОВА читая мое настоящее заявление, затребовать и прочесть поданное мною заявление и Наркому и Нач. УНКВД по НСО 7-го апреля 1939 года по моему делу, а в настоящем заявлении я излагаю Вам известные мне следующие факты.

В УНКВД по НСО под руководством врагов Нач. УНКВД ГОРБАЧА и МАЛЫЦЕВА, Нач. 4-го отдела НАСТАНОВОВА, Нач. 1-го отделения 4-го отдела ДЛУЖИНСКОГО занимаясь политическим вредительством, применяли к арестованным пытки и методы "следствия" позорящие органы НКВД и являющиеся к-р деятельностью против генеральной линии партии. О их к-р политическом вредительстве в их работе мне известно следующее:

1. Арестованный быв. секретарь Октябрьского Райкома ВКП(б) гор. Новосибирска СИЛАНТЬЕВ рассказал мне, что он работал инструктором в одном из Райкомов партии города Москвы (кажется Бауманский точно не помню) жена его ФРУМКИНА кончила ИКП в конце 1936 года она была направлена в Новосибирск на работу в Крайком ВКП(б) и вместе с ней приехал в Новосибирск и он (Силантьев). В Новосибирске он работал 2-м секретарем Райкома ВКП(б), а в 1937 году он был избран 1-м секретарем Райкома и что после ареста ФРУМКИНОЙ он написал и отправил тов. СТАЛИНУ телеграмму, в которой изложил о неправильности ареста ФРУМКИНОЙ и просил в телеграмме тов. СТАЛИНА дать указание проверить материалы послужившие поводом ее ареста, так как они являются клеветническими. После отправления телеграммы тов. СТАЛИНУ он зашел к секретарю Обкома АЛКК-КЕВУ и рассказал ему, что он сейчас отправил тов. СТАЛИНУ телеграмму о неправильности ареста ФРУМКИНОЙ. Через несколько дней после отправления телеграммы он был арестован. После ареста СИЛАНТЬЕВА в камеру не

4.5.

поместили, а привели по распоряжению ПАСТАНОВОГО прямо в кабинет к БОЛЬШАКОВУ и в течение 33 дней ему был устроен конвейерный "допрос" через 3-4-5 дней и не выпускали из кабинета, есть давали один раз в день устроенной для птиц табуретке, и когда сидя на табуретке он измученный дремал, то его БОЛЬШАКОВ избивал кулаками под бок и 60 часов ПАСТАНОВ и БОЛЬШАКОВ продержали его стоя на ногах, пока он не упал на пол, т.к. ноги у него опухли, что он даже не мог снять сапоги с ног. Во время применения к нему пыток его два раза заводили в кабинет к ПАСТАНОВУ садили его на табуретку по середине комнаты и ему устраивали карусель выражавшаяся в следующем: вокруг него сидящего на табуретке по середине комнаты ходили 7 сотрудников, среди них он знал только фамилии ПАСТАНОВ, ДЛУЖИНСКИЙ и БОЛЬШАКОВ, остальные не знает и ругая его нецензурной руганью тыкали в его темя пальцами и говорили, ниши показание, все равно будешь писать, мы тебя заставим писать, нас больше видишь мученик контрик какой сидит и еще ряд других издевательств, эта карусель в кабинете ПАСТАНОВОГО под его руководством продолжалась больше часа и была устроена два раза. За все 33 дня его нахождения на конвейере в кабинете ПАСТАНОВОГО и БОЛЬШАКОВЫМ было принято еще целый ряд других над ним издевательств и беспощадная позорнейшая ругань, которую он мне рассказывал, но я не буду описывать ее и все это делалось, чтобы он СИЛАНТЬЕВ начал сам своей рукой под диктовку сотрудника писать на себя, что он к-р право-троцкист и проводил к-р право-троцкистскую работу, он писать этой лжи не стал несмотря на все примененные к нему пытки. На 30-й день пыток его ПАСТАНОВЫМ и БОЛЬШАКОВЫМ, когда он уже был измучен без пищи, сна и избиваниями, у него открылся залеченный 10 лет тому назад процесс туберкулеза и началось кровохарканье, при этом ему нужно было немедленно лечь в больницу и нужен был полный покой, чтобы остановить кровохарканье, когда он по этому вопросу обратился к ПАСТАНОВУ и БОЛЬШАКОВУ, то они ему сказали "напиши нам показание и мы тебя положим в больницу и будем лечить" он не согласился писать лжи, тогда он начал просить, чтобы ему дали возможность полежать на полу в комнате, если они не хотят его пустить в камеру, то он получил ответ, если писать не будешь, то здесь эдак и заставляли его только сидеть на табуретке. Медицинской помощи он не получил и вместо того, чтобы лежать не двигаясь, его заставляли сидеть на табуретке и подбивали ему бока, кровохарканье усиливалось и на 33 день у него началось сильное кровотечение, когда его кровью начал заливать пол и комнате БОЛЬШАКОВА, то БОЛЬШАКОВ ушел дого-

вариваясь с ПОСТАНОВОМЫМ и СИЛАНТЬЕВА увели в камеру, в которой
 Франк-отель. Когда выводные под руки ввели СИЛАНТЬЕВА из кабинета
 БОЛЬШАКОВА в камеру, т.к. он не мог ходить уже, ноги от выстойки
 были опухшие, кровь из легких лилась, то Франк-отель снял СИЛАНТЬЕВУ
 сапоги разрезав голенища, потому, что ноги были так опухшие, что сапо-
 ги не слезили с них и он начал обрабатывать СИЛАНТЬЕВА, чтобы он на-
 писал показания, иначе он умрет здесь в камере от кровотечения,
 бумагу и карандаш, продиктовал ему содержание заявления и СИЛАНТЬЕВ
 написал под диктовку Франк-отеля заявление о якобы своей виновно-
 сти в к-р право-троцкистской деятельности и заявил, что согласен об-
 этом писать показания. В этот же день он был вызван сотрудником ИЛБИ
 НИИ написал под диктовку при излиянии крови и кашля показания, после
 чего ему приподнесли готовые написанные протоколы отредактированные
 ПОСТАНОВОМЫМ и он их подписал и был отправлен в тюремную больницу.
 Находясь в больнице тяжело больным с высокой температурой к нему при-
 ехал сотрудник 4-го отдела (фамилию его сейчас не помню) и привез
 ему подписывать еще один готовый протокол и сказал ему, что если он
 протокол этот не подпишет, то он будет выписан из больницы, то СИ-
 ЛАНТЬЕВ и этот протокол подписал. При обыске у СИЛАНТЬЕВА было изъято
 700 рублей денег, он будучи тяжело больным подавал несколько заявле-
 ний на имя ПASTАНОГОВА с просьбой выдать ему хоть 50 рублей денег из
 его же 700 руб., а в апреле 1938 года в палату тюремной больницы
 приходил зам.нач. 4-го отдела ДЫМНОВ, СИЛАНТЬЕВ к нему обратился,
 просил у него, чтобы он выдал ему 50 руб. из взятых у него при обы-
 ске 700 руб., ДЫМНОВ себе записал и обещал деньги ему прислать, но
 ни по заявлениям, и не пообещанию ДЫМНОВА СИЛАНТЬЕВ деньги не полу-
 чил, чтобы иметь возможность купить себе в ларьке что либо поесть,
 вдобавок подорванное у него в связи с конвейерным допросом и пытками
 все время ухудшалось и в июне месяце 1938 года он умер.

1938 За несколько дней до смерти СИЛАНТЬЕВ мне сказал, я наверное
 скоро умру и начал просить меня, что если я выздоровею и мне предо-
 ставится когда нибудь возможность, то он просит меня, чтобы я напи-
 сал в ЦК тов. СТАЛИНУ все то, что он мне рассказал о своем деле и
 примененных к нему пытках и просил написать тов. СТАЛИНУ, что в пока-
 заниях его заставили подписать, что он телеграмму тов. СТАЛИНУ хо-
 тел послать, чтобы якобы дискредитировать органы НКВД (КОРЦУЛЕВ
 мне рассказал, что телеграмма СИЛАНТЬЕВА тов. СТАЛИНУ МАЛЫЦЕВЫМ и
 ПОСТАНОВОМЫМ была из почты изъята и тов. СТАЛИНУ не отправлена и

готовые приподнесли ему протоколы, чтобы...

~~167~~ 157
6.

что никогда к-р троцкистом он не был, что все это ложь и подписал рабочий, из семнадцати рабочих и что ПАСТАНОВ и БОЛЬШАКОВ замучили его, в 34-х летнем возрасте.

2. Арестованный МАСЛЕННИКОВ мне рассказал, что приехал в Новосибирск из Урала в начале 1938 года и он был выдвинут директором Сиблестреста, проработал 6 месяцев в этой должности, он был арестован, его заставляли писать лично и под диктовку ПАСТАНОГОВА и его помощников (фамилию их не помню), но их можно установить из протоколов его следдела), что он является участником к-р право-троцкистской организации и проводил к-р вредительскую работу. Когда он отказался это сделать, то его продержали на "конвейере" и выстойке 8 дней, несколько раз его ударили в живот, издевались над ним, не давали есть и пить и наконец он будучи доведен до болезненного состояния в результате применения к нему пыток принужден был писать и подписывать все предложенные ему протоколы. После того, что он подписал приподнесенные ему протоколы его положили в тюремную больницу, из больницы в тяжелом болезненном состоянии его взяли во внутреннюю тюрьму УНКВД, продержали его больным около месяца и заставляли его еще подписывать протоколы очных ставок с другими работниками лесного хозяйства и предупредили его, что если он не будет на очных ставках подписывать протоколы, то его лечить не будут и он умрет в камере.

2. МАСЛЕННИКОВ будучи тяжело больным подписал протоколы очных ставок какие только не приносили ему работники 4-го отдела под руководством ПАСТАНОГОВА и только после того, что от него были получены подписи как он сказал фальшивых протоколов, его увезли обратно в тюремную больницу и на 4-й день после того, что его привезли в больницу он умер.

3. Арестованный Зав. Райзо Убинского района МЕЛЕЗОВ в декабре 1938 года рассказал мне, что в 4-ом отделе под руководством ПАСТАНОГОВА и ДИМНОВА его пытали, заставляли сидеть на табуретке с подложенными железными, которые резали тело, из ран текла кровь, в течение 5 дней его держали на конвейерном допросе, несколько раз ударили его, заставляли стоять на ногах пока не довели до тяжелого болезненного состояния, когда он уже не мог больше терпеть, то он согласился под диктовку следователя писать на себя и других, что он является участником к-р право-троцкистской организации, что его завербовал бывший Зав. Сельхозотделом Райкома ВКП(б) и т.д., а затем уже подписал в готовне приподнесенные ему протоколы, после того, что подписал про-

466

252
7.

токами ему устроили передачу и письмо от жены и положили его в тюремную больницу, находясь в больнице ему следователь в виде заботливости привез из передачи жены папиросы, масло и дал прочесть письмо, затем сказал ему, что он ему устроит очную ставку с Зав. сельхозотделом Райкома партии, который не подписал при поднесенные ему протоколы и что ШЕЛЕГОВ должен на очной ставке подтвердить, что он ШЕЛЕГОВА вербовал в к-р право-троцкистскую организацию и по его заданию ШЕЛЕГОВ якобы проводил вредительскую работу в сельском хозяйстве. Когда ШЕЛЕГОВ заявил, что он подтвердить на очной ставке это не может, поэтому, что ничего подобного не было, тогда приехавший сотрудник ему заявил, что если он не подтвердит на очной ставке подписанные показания, то его из больницы выпишут и лечить его не будут в камере. На следующий день в тюремную больницу вторично приехал этот сотрудник, вызвал из палаты больницы ШЕЛЕГОВА и договорился с ним, что он подпишет записанное ими якобы его ШЕЛЕГОВА показания на очной ставке с Зав. сельхозотделом Райкома (фамилию я его забыл), затем он вызвал из камеры быв. зав. сельхозотделом Райкома и ШЕЛЕГОВ этот приподнесенный ему сотрудником протокол очной ставки подписал, а тот подписал отрицательный ответ и вот так была проведена очная ставка. Если захотят проверить, что мое следдело липовое, то пусть возьмут и прочтут его, тогда убедиться, что в протоколах допроса якобы меня и других из нашей группы вписаны фамилии еще около 15 коммунистов, работавшие в районе и часть из них лучшие пред-колхозов, все эти коммунисты вписаны по указанию ПАСАНОГОВА и ДИМНОВА как участники к-р право-троцкистской организации, но их уже не успели арестовать и в след-дело когда я с ним знакомился вложено постановление, в котором указано, чтобы на этих коммунистов дело выделить отдельно. На следствии спрашивали, кто ваши знакомые и стоило назвать фамилии людей, которых знаешь и их фамилии вперед записывались на бумажке, а затем протокол, который давали подписывать эти все фамилии людей уже были вписаны и числились как участники к-р право-троцкистской организации.

Об этом же следделе, что оно фиктивное и что примененными пытками заставили подписать протоколы как участника этой-же к-р троцкистской группы мне рассказывал арестованный бывш. райпрокурор Лубенского района НИКИТИН и он говорил, что он подал заявление в феврале месяце 1939 года и отказался от всех подписанных им в результате принуждения фиктивных протоколов о якобы своей виновности и виновности других в к-р право-троцкистской деятельности.

4. Арестованный Райпрокурор Маринского района ГРАНИН рассказывал мне, что ПАСТАНОВ и ДЛУЖИНСКИЙ держали его 7 дней на конвейере, надлежности к к-р право-троцкистской организации, находясь на конвейере в комнату где его держали зашел МАЛЬЦЕВ и ПАСТАНОВ отругали его беспощадной руганью и заявили, что все равно подпишешь тебя заставят подписать и после этого над ним начали еще больше издеваться, пытать и ругать его, в результате он подписал протокол, что он якобы является участником к-р право-троцкистской организации, после допроса он заболел и лежал в тюремной больнице. ГРАНИН из тюрьмы подал заявление об отказе от подписанных им показаний и прошил, чтобы его вызвал в МОСКВУ прокурор Союза для дачи ему лично показаний, по его делу и ряду другим вопросам.

5. Арестованный ВИКЕР доцент Томского Мединститута, член ВКП(б) рассказал мне, что будучи арестован ему ОБЧИННИКОВ бнн. Нач. Томского ГО НКВД предложил дать показания, на директора Мединститута РОЗЕТ, что он к-р право-троцкист занимался вредительством в учебе по подготовке кадров и т.д. Когда ВИКЕР заявил, что он такие показания на РОЗЕТ дать не может, потому что ему об этом ничего не известно, то ОБЧИННИКОВ передал его работнику 4-го отделения МИРОНОВУ и сказал ему, чтобы он чем угодно добился от ВИКЕРА, чтобы он подписал показания на РОЗЕТ о его принадлежности к к-р троцкистской организации. И над ВИКЕР начались издевательства и пытки. Сначала его МИРОНОВ держал несколько дней на конвейере и стоя на ногах, не давал есть и спать, толкая его, ругая беспощадной руганью с требованием пиши показания, будешь писать и т.д. когда он категорически отказался писать ложь и подписывать фиктивные показания несмотря на все издевательства, то его поместили без всяких вещей в карцер на цементный пол и в течение 40 дней держали только на хлебе и воде в карцере, требуя от него примененными пытками подписывать липовые показания.

После 40 дней нахождения на хлебе и воде лежа на цементном полу в карцере ВИКЕР заболел цынгой. Медицинская помощь ему не оказывали и больным его продолжали держать на конвейере, заставляя подписывать протоколы о к-р деятельности РОЗЕТ, и что РОЗЕТ его завербовал в к-р право-троцкистскую организацию, но ВИКЕР несмотря на все пытки, липовые показания не подписывал. В июле 1938 года его этапировали в УНКВД в г.Новосибирск и от цынги у него было кровоизлияние ног и он не мог двигаться, лежал в камере, арестованные камеры начали требовать, чтобы его положили в больницу, иначе камера откажется от приема пищи и объявит голодовку, и только тогда его поместили в

159
10. 9.
664
тюремную больницу.

В сентябре месяце его из тюрьмы увезли в УНКВД, он еще был болен ибо после болезни цингой хромал от осложнения и его в УНКВД ПАСТАНОВОВ продержал на конвейере 3 дня без пищи и сна требуя уже только "сознаться" в том, что его РОЗЕТ завербовал в к-р право-троцкистскую организацию, т.к. обработкой РОЗЕТА под руководством ПАСТА-НОГОВА добились его подписи протокола, что им ВИКЕР был завербован в к-р право-троцкистскую организацию. Сначала хотели использовать ВИКЕРА как резидента органов, чтобы получить от него фальшивый протокол на РОЗЕТА, но ПАСТАНОВОВУ этого не удалось, то использовали РО-ЗЕТА на ВИКЕРА.

6. К арестованному ОХОТЧИНСКОМУ секретарю парткома редакции газеты "Советской Сибири" в результате примененных пыток к нему под руководством и установкам ПАСТАНОВОВА требуя от него подписывать фиктивные составленные ПАСТАНОВОВЫМ протоколы о якобы его принадлеж-ности к к-р право-троцкистской организации, сделали из него инвалида. Он мне рассказал, что несколько дней под руководством ПАСТАНОВОВА его держали на конвейере без пищи и сна, заставляли стоять на ногах, выбивали из под него табуретку на которой он сидел, несколько раз ему ткнули кулаком в бока. До конвейера его держали в специально устроенной для пыток холодной камере в которой стены были сырые, от таившего покрытого их снегом. Несмотря на все примененные к нему пытки он все-таки отказался писать и подписывать липовые протоколы, тогда на 5-й день конвейера ему пред"явили выписанные ордера на арест его жены и сказали, ну что будешь писать, что требуешь или нет, если писать не будешь, то арестуем жену, и он желая спасти жену от ареста и гибель двух своих детей согласился писать продиктованные ему показания, и подписал приподнесенные отредактированные ПАСТАНОВОВЫМ протоколы. Находясь больше года в тюрьме в самых тяжелых условиях и в результате приме-ненных к нему пыток он заболел и в январе 1939 года он уже не мог ходить лежал в тюремной больнице больным с сильным кровотечением. ОХОТЧИНСКИЙ из камеры и больницы подал на имя Прокурора СибВО несколько заявлений об отказе от всех подписанных им фальшивых вы-думанных ПАСТАНОВОВЫМ протоколов и о примененных к нему пытках при допросе, в результате которых заболел, а в январе 1939 года он был уже при смерти.

7. Арестованные МУДРО бив. зав. Горздрава и ФТИ г. Томска и ФЕДУЛОВ
 Главным бухгалтер Кузбассугля рассказывали, что примененными к ним
 конвейерным допросом и обработкой запугиванием ареста жён, обещаниями,
 что им будет небольшое наказание по их делам их заставили подписать
 на себя и других коммунистов протоколы, что те и они являются участ-
 никами к-р. право-троцкистской организации занимались к-р вредительст-
 вом, диверсионной и террористической деятельностью, после того, что
 они подписали готовые фальшивые протоколы приподнесенные им состав-
 ленные Нач. отд. ПОСТАНОВОМ и др. на себя и других коммунистов, о
 к-р деятельности ничего не знают им создали условия, давали передачи,
 устраивали переписку с семьей и т.д. Перед судом Военной Коллегии
 в октябре -Ноябре 1938 года началась усиленная обработка их и других
 арестованных и подготовка их к суду ВК. По заданиям МАЛЬЦЕВА и ПАСТА
 НОВОВА они и другие арестованные вызывались из камер спрашивали их
 в чем нуждаются, устраивали вещевую и продуктовую передачу, брали
 письма семье и давали письма от семьи, создали самые лучшие условия
 и настроения в камере и все это делалось для того, чтобы они подтвер-
 дили на Военной Коллегии и прокурору подписанные ими показания. Если
 этого арестованного должны были судить, то с вечера предыдущего дня
 арестованный с вещами брался из камеры, вещи оставались в дежурке
 ДПЗ, а арестованный уводился в комнату Управления где сидел работник
 4-го отдела подготовленный ПАСТАНОВЫМ и тут арестованного угощали
 ужином или обедом из столовой, буфета, затем дали обвинительное зак-
 лочение и обрабатывали их подтверждать эти подписанные им живые по-
 казания на В.К., здесь-же в комнате у следователя арестованный в эту
 ночь спал и на следующий день его заводили на суд Внесудной Сессии
 Военной Коллегии.

В Ноябре 1938 года после того, что они и другие были пригово-
 рены к расстрелу. После того, что приговор ВК был отменен и военная
 коллегия была из Новосибирска отозвана в камеру к нам и по другим
 камерам вечером по заданию МАЛЬЦЕВА и ПАСТАНОВОВА зашел Нач. ДПЗ
 КОРНИЛЬЕВ и назвал фамилии всех, кто находился в камере отказавшиеся
 на ВК от своих показаний" и велел им собраться с вещами и увел их из
 камер, создав такое впечатление, что их как отказавшихся от своих
 показаний ведут расстреливать. Через пару часов КОРНИЛЬЕВ вторично
 зашел в камеру и заявил оставшимся арестованным приговоренным к рас-
 стрелу, что в связи с тем, что они на ВК подтверждали свои показания,
 то в отношении их как разоружившихся руководство УНКВД МАЛЬЦЕВ и
 ПАСТАНОВОВ считала приговор к расстрелу слишком жестоким и подняли
 ходатайство перед правительством об отмене этого приговора и по их

ходатайству правительство приговор к расстрелу им отменило и
 каждому из арестованных дал расписаться, мне об"явлено, что приго-
 вор ВК отменен" в этот-же день на следующий день, каждый из аресто-
 ванных вызывался в 4-й отдел ПАСТАНОВОМ и выделенными им сотруд-
 никами и эти арестованные обрабатывались, что они должны еще раз у
 ПАСТАНОВОА в присутствии прокурора подтвердить подписанные ими по-
 казания и больше им расстрела не будет и т.д. и т.п. и тут-же из
 кабинета сотрудника 4-го отдела арестованного вводили в кабинет
 к ПАСТАНОВУ там сидел помпрокурора Слово и ПАСТАНОВ обманывая
 его снова брал от арестованного протокол допроса подтверждающий
 якобы свои показания", ЖУДРО и ФЕДУЛОВ в результате ПАСТАНОВСКОГО
 допроса ЖУДРО вслеп и ФЕДУЛОВ заболел и оба лежали в марте 1939г.
 в тюремной больнице.

8. Арестованные секретарь Панкрушихинского Райкома ВКП(б)
 БОСЫХ рассказал мне, что будучи арестован ранее работавший с ним
 в Томском Горкоме ВКП(б), а в последнее время в Новосибирске РАДЬКО
 в результате конвейерного допроса и примененных к нему пыток: избие-
 ние, содержание его в карцере подписал на себя и на него БОСЫХ, что
 он и БОСЫХ являются участником к-р право-троцкистской организации,
 после того, что он подписал Пастановские протоколы его обраба-
 тывали передачами от семьи, перепиской с семьей, литературой и деньгами и
 РАДЬКО стал на к-р путь подписывал на кого бы ему не предлагали и
 что-бы ему не предлагали протоколы ходил на любые очные станки и
 РАДЬКО подписал после такой обработки протоколы на него.

(БОСЫХ), что он якобы знает о к-р троцкистской деятельности
 БОСЫХ и эти протоколы брались по заданиям ПАСТАНОВОА, чтобы БОСЫХ
 осудить, т.к. он сам ничего не подписал из лживых протоколов, несмотр-
 я на то, что его держали в камере пыток и он заболел и не мог
 ни ходить, ни стоять и поэтому ему конвейерный допрос с избиениями
 не устраивали, он в камере с кровохарканьем был положен в тюремную
 больницу, только тогда, когда камера потребовала об"явив голодовку,
 чтобы его больного положили в больницу, то тогда лишь он был по-
 ложен в больницу.

9. Арестованный ХАРЬКОВ, директор конфектной фабрики под
 руководством ПАСТАНОВОА был обработан, чтобы он писал показания на
 знакомых ему коммунистов и что он должен в своих показаниях запи-
 сать, что им завербованы и что он знал о принадлежности к к-р право-
 троцкистской организации несколько десятков человек, за гнусную
 работу ХАРЬКОВУ были созданы прекрасные условия. В камере его кор-
 мили обедом, ужином и завтраком из ресторана, давали передачи и

письма от семьи, давали деньги, литературу и пр. В результате ХАРЬКОВ под диктовку следователя и своей инициативе записал в протокол троцкистской организации и своей инициативе записал в протокол несколько десятков коммунистов, как принадлежащие к к-р право-завербованные в к-р право-троцкистскую организацию, а в камере ХАРЬКОВ говорил, что нужно как можно больше записывать коммунистов в протоколы, что они контрреволюционеры, чтобы было больше арестовых освобождений, а мы будем в дружбе со следствием, получать передачи и т.д. Вписанные в протоколы Харьковским коммунистами как участники к-р право-троцкистской организации по этим его показаниям они арестовывались, под руководством Пастаногова выбивались подписи под протоцкистской организации, а Харьков использовывался на лобные очные ставки. Тоже самое, только не помню в каком отделе сделали с Нач. охраны политруком гор. Новосибирска (фамилии их не помню) их посадили в одну камеру, чтобы они все вспоминали фамилии известных им коммунистов, чтобы их вписать как участников к-р право-троцкистской организации, их вызывали каждый раз из камеры и они все называли фамилии коммунистов, чтобы их вписывать в протоколы как ими завербованные в к-р право-троцкистскую организацию и они эти протоколы подписывали.

Пастаногов работая Нач. 4-го отдела УГБ УНКВД в своей практической работе проводил к-р троцкистскую деятельность выражавшаяся в следующем: Осужденного уже 2-ой раз кадрового махрового бандита к-р троцкиста на 10 лет за к-р троцкистскую деятельность ФРАНКЕНТЕЛЬ ПАСТАНОВОГ не этапировал в тюрьму отбывать наказание, а договорился с ним и оставил его с конца 1936г. до Марта 1939 года в ДПЗ, чтобы он ему помогал обрабатывать имевшихся среди арестованных и невиновных коммунистов, чтобы они писали заявления и показания, что они и другие коммунисты являются к-р троцкистами. Для этого Пастаногов в ДПЗ хорошо оборудовал ФРАНК-ОНТЕЛЮ камеру с постелью, устроил ему питание из ресторана по выбору в меню, давал ему деньги, литературу, газеты, свидание и переписку с женой и т.д. и этот махровый к-р троцкист провокатор являлся основным помощником Пастаногова по уничтожению отдельных невиновных коммунистов, даже в камере ему было Пастаноговым предоставлена возможность проводить к-р троцкистскую работу, клеветать на партию и ее вождей. Под диктовкой ФРАНК-ОНТЕЛЯ с предварительным инструктажем его Пастаноговым арестованные коммунисты не хотели писать неправду, обманывать партию и подписывать

клевету на себя и других коммунистов сажались к нему в камеру и писали заявления и показания о к-р право-троцкистской деятельности и выдуманной ФРАНК-ОНТЕЛЕМ и ПАСТАНОГОВЫМ, чтобы больше арестовывать и судить невинных людей. Многих кого убивали при конвейере в камеры не пускали, а прятали их в камере на обработку к Франк-ОНТЕЛЮ. По спискам арестованных по камерам имевшиеся в 8-ом отделе, ныне 1-й спец-отдел можно видеть в какой камере сидел ФРАНК-ОНТЕЛЬ и кто побывал у него на обработке из арестованных (если только они вписались в эти списки). Помощником у ПАСТАНОГОВА ФРАНК-ОНТЕЛЬ пробыл с конца 1936 года до марта 1939 года, в марте 1939 года ПАСТАНОГОВ ФРАНК-ОНТЕЛЯ держал в 6-ой камере в тюрьме с арестованным и Мариинским прокурором ГРАНИНЫМ, МОРОЗОВЫМ и др. Этот же ФРАНК-ОНТЕЛЬ использовывался ПАСТАНОГОВЫМ для подписи любых показаний на коммунистов и любые очные ставки. В марте 1939 года ПАСТАНОГОВ ФРАНК-ОНТЕЛЯ из 6-ой камеры тюрьмы куда-то спрятал.

О деятельности ПАСТАНОГОВА и ФРАНК-ОНТЕЛЯ нужно допросить бывш. сотрудника 4-го отдела КОРПУЛЕВА, который знает очень много конкретных фактов их к-р деятельности по созданию фиктивных дел и протоколов допроса.

Так же как и ФРАНК-ОНТЕЛЬ на протяжении 2-х лет в камерах в качестве помощника врагам МАЛЬЦЕВУ и ПОСТАНОГОВУ содержался известный к-р бандит троцкист ОБЕРТАЛЕР, этот провокатор использовывался всеми отделами он подписывал любые показания на арестованных выходил на очные ставки с арестованными, даже таких которых он не знал и не видел и на очных ставках подписывал - протоколы какие бы следователями написаны бы не были, кроме того в камерах обрабатывал арестованных, что нужно подписывать и писать ложные показания, так как это якобы нужно партии и т.д. Даже в камере ему была предоставлена возможность проводить к-р троцкистскую работу. За эту контрреволюционную работу он получал деньги и продукты. После каждого вызова подписывать протоколы ОБЕРТАЛЕР возвращался в камеру и в полах приносил колбасу, папиросы, рыбу, масло, белую булку и пр. эта была ему оплата за подписи протоколов. Подробные факты о деятельности Оберталера в течение 2-х лет знает освобожденный быв. нач Оперпункта НКВД ст. Инская тов. БАЛИЦКИЙ.

За эту гнусную к-р работу Оберталеру обещали, что он будет освобожден из под стражи, он все время в конце 1938 года готовился к освобождению и в камере он заявлял, что он работникам УНКВД ГОРБАЧУ, МАЛЬЦЕВУ, НЕВСКОМУ, ПОСТАНОГОВУ, ШАМАРИНУ и др. проделал большую работу и его скоро освободят по их предложению он написал

даже зачленение в к-р работа, которую он проводил в это время в к-р.
 По рассказам БАЛИЦКОГО к-р бандита троцкиста ОБЕРТАЛЕРА пользовали
 до конца 1938 года, а затем его увезли и расстреляли, так как на не-
 го имелся приговор еще вынесенный в 1937 году, но он о нем не знал.

Все время содержание его под стражей держали в разных камерах,
 в очень хороших условиях, возили только на легковых машинах и он
 пользовался большими привилегиями за провокационную к-р деятельность.

По рассказам арестованных МАЛЬЦЕВ, ПОСТАНОГОВ и КОРНИЛЬЕВ пе-
 ред судом Военной Коллегии в июне, июле 1938 года и октябре-Ноябре
 1938 года производили обработку ту часть арестованных, которые под-
 писывали ложные показания следующим образом: В приводной камере в
 НКВД на стенах делались надписи фамилии арестованных, что якобы они
 приговорены на сроки 15, 12, 10, 8, 5 и 3 года среди написанных фа-
 милий была и фамилия бывшего секретаря Новосибирского Горкома МИЛ-
 ЛЕРА, что ему дано 15 лет, затем в камере было сочинено письмо якобы
 оставленное арестованным, который приговорен к расстрелу и в письме
 было написано, что я поверил совету и на суде отказался от своих по-
 казаний и меня приговорили к расстрелу, никому ничего не верьте, пе-
 редайте моей семье, что меня расстреляли и т.д. и т.п. когда дела-
 лись эти надписи на стене дверей и в других местах в приводной ка-
 мере и дожились это письмо, то в эту приводную камеру под предло-
 гом обьеса (или мелкого ремонта) переводились из какойнибудь ка-
 меры арестованные, подготавливающиеся к суду ВК на время в эту при-
 водную камеру, они читали эти надписи, находили якобы оставленное
 письмо арестованным приговоренным к расстрелу и все это как новость
 передавалось по камерам всем арестованным, тоже самое передвбалась
 через провокаторов ФРАНК-ОНТЕЛЬ и ОБЕРТАЛЕРА, а в действительности
 фамилии арестованных, которые были написаны в приводной камере, что
 получили сроки 15, 12, 10, 8, 5 и 3 года были в большинстве своем Воен-
 ной Коллегией приговорены к расстрелу.

Арестованный МОРОЗОВ научный работник Том-
 ского Мукомольного элеваторного Института рассказало мне, что буду-
 щий арестован его вызвали на допрос в Томском ГО НКВД сотрудники
 ПУЧКИН и МИРОНОВ несколько дней его держали на конвейере и на вистой
 ке ругали и избивали его требуя от него, чтобы он писал показания,
 что он является участником право-троцкистской к-р организации, когда
 он отказался писать такие показания мотивируя тем, что он никем не
 завербован в к-р право-троцкистскую организацию и что никакую к-р
 работу он не проводил и ничего не знает, тогда МИРОНОВ ему заявил,
 что составит акт, что он МОРОЗОВ отказался писать показания и

признаться в к-р работе, которую он проводил и его поэтому акту расстреляют. А до вызова на допрос МОРОЗОВ после ареста был посажен в камеру где сидели арестованный поп и тот рассказал МОРОЗОВУ, что идя на допрос нужно подписывать все, что требует следователь, тогда по суду можно получить срок, а если отказываются подписывать, то следователь составляет акт на арестованного и по этому акту как "несознавшегося" его расстреливают без суда.

Когда МИРОНОВ заявил МОРОЗОВУ, что составит акт и по акту его расстреляют, то он тут-же составил акт на МОРОЗОВА, в котором указал, что он МОРОЗОВ отказался сознаться в своей к-р право-троцкистской деятельности и т.д. и закончил акт, что МОРОЗОВА нужно расстрелять, этот акт МИРОНОВ прочел МОРОЗОВУ и предложил ему его подписать, но МОРОЗОВ подписать его отказался и МИРОНОВ отправил МОРОЗОВА в отдельную камеру, а не в ту, в которой МОРОЗОВ находился до вызова его на допрос и создал ему такую обстановку, что он в этой отдельной камере будет расстрелян. МОРОЗОВ побыв в этой отдельной камере несколько часов постучал и заявил, что согласен написать любые показания, его МИРОНОВ вызвал и он написал и подписал написанные ПУЧКИНЫМ и МИРОНОВЫМ протоколы, что он является контр-революционером, а также подписал еще на ряд лиц вписанные в эти протоколы ПУЧКИНЫМ и МИРОНОВЫМ, что и они являлись участниками к-р право-троцкистской организации и проводили к-р троцкистскую деятельность.

В октябре 1938 года его привезли в Новосибирск в УНКВД на суд Выездной Сессии Военной Коллегии, но на суд он вызван не был, по приезде в Новосибирск он подал из тюрьмы заявление на имя Прокурора СибВО об отказе от подписанных им лживых показаний и методах примененных к нему ПУЧКИНЫМ и МИРОНОВЫМ, чтобы он подписал эти протоколы составленные ими с ихними выдуманными словами как якобы протоколы допроса его МОРОЗОВА и его показания

9. ВОРОНЦОВ Нач. Транснаршта Кузнецкого отделения железной дороги рассказал мне, что в Сталинском ГО НКВД ли был на конвейере 13 дней у РОВИНСКОГО без сна и пищи, его избивали и ставили на выстойку и заставляли подписывать протоколы, что он участник право-троцкистской к-р организации и занимался диверсионными актами, якобы по его заданию уборщица подожгла сводехранилище и он занимался вредительством. Все это он подписал под физическим принуждением и потому, что ему показали ордер на право ареста его жены, а у него 4 или 6 детей, старшему всего 16 лет и он желая спасти семью и больше не терпеть пыток все протоколы, что ему дали подпи-

вал на себя и других о контрреволюционной деятельности которых он ничего не знал и не знает. В действительности рассказывая о пожаре овощехранилища сказал, что там сгорела картошка на 2 тысячи рублей, жара им был составлен акт, написано отношение в прокуратуру и вменено курору и требовал, чтобы ее привлекли к ответственности, но ее не привлекали, и он ее уволил, а через год с нее взяли протокол допроса, что якобы она овощехранилище подожгла по его ВОРОНЦОВУ заданию и ее уволили, что бы она сбегала. Находясь под арестом в течение года его содержали в камерах где были самые тяжелые условия, не было даже места где лежать, кормили очень плохо, передачи он не получал, заболел туберкулезом и когда у него началось кровохарканье он начал просить, чтобы его положили в больницу и оказали ему медпомощь, но это сделано не было и он оставался лежать в камере, в июне м-це его этапировали в Новосибирск на суд Военной Коллегии и из вагона его привели в тюремную больницу и через 2 месяца ВОРОНЦОВ умер.

10. Арестованный ВЕТРОВ рабочий забойщик, Беловской шахты рассказал мне, что был выдвинут на курсы и после окончания курсов был избран секретарем парткома шахты, будучи арестован в начале 1938г. от него потребовали, чтобы он написал протокол, что он является участником право-троцкистской к-р организации, занимался вредительством и диверсионными актами, когда он доказывал, что он никогда к-р и участником право-троцкистской организации не был, что он был рабочим стахановцем, получал премии за перевыполнение норм выработки работая в шахте, то его Нач. Беловского РО НКВД 5 дней держал на ногах на выстойке, не давал есть и пить, несколько раз его ударили ногами в живот и он под принуждением и примененными к нему пытками подписал все протоколы, которые были написаны следователем. Он говорил, что будет суд я от всего этого откажусь, это ложь, меня принудили все подписать на себя и других. После того, что он подписал протоколы, его направили в Кемеровскую тюрьму где были ужаснейшие условия содержания арестованных, камеры были переполнены до того, что арестованные в камерах могли только стоять на ногах, кормили один раз в день теплой водой с какой-то зеленью, и находясь в тюрьме в таких условиях в течение года заболел туберкулезом, в августе м-це 1938 года его привезли в Новосибирск в УНКВД на суд ВК судить, но в связи с отъездом ВК из Новосибирска в ноябре 1938 года его не судили и он был положен в тюремную больницу, в феврале или в марте

186

месяце 1939 года его вызывали из больницы работники 4-го отдела УНКВД он им заявил, что от всех своих показаний он отказывается, рассказал, как его заставили их подписать, но эти работники видя его состояние здоровья, что он скоро умрет ничего не записали и уехали, а в 20-тых числах Марта ВЕТРОВ умер, перед смертью он сказал за что меня в 30 лет угробили, у меня останется жена и двое детей, а за что я погиб?

В июле 1938 года в тюремную больницу был приведен из тюрьмы под названием "ПТИЧНИК" (быв. инкубатор превращенный во временную тюрьму) радист (фамилию я его забыл) по рассказам других больных из этой же тюрьмы этот радист в результате примененных к нему психическую больницу несмотря на то, что его сумасшествие было для всех работников тюрьмы очевидным и арестованные сидевшие с ним в камере несколько раз требовали, чтобы его отправили в больницу, но в больницу его не отправили и в течение нескольких месяцев сумасшедшего держали в камере.

В июле месяце в камеру принесли бочку супом для 250 арестованных находившиеся в этой камере, этот арестованный бросился головой в бочку с горячим супом и обварился, его увезли в больницу и на 2-й день он умер.

ДЕЛА СОТРУДНИКОВ

Находясь в ЛПЗ в 44-й камере с бывш. нач. Барзасского РО НКВД ВАКУРОВЫМ он рассказал следующее: Работая ранее в Абакане он знал НОСКОВА, который был арестован и осужден в конце 1936 года по Кемеровскому делу, когда он прочел в газете о Кемеровском процессе и после того, что был судебный процесс над Московским к-р троцкистским центром, у них в районе было общее собрание партактива где стоял доклад о проведенных суд-процессов над к-р троцкистами, то на этом партийном собрании он выступил с призывом коммунистов к бдительности и борьбы с к-р троцкистами и тут же в своем выступлении рассказал как пример, что он даже работая в НКВД не был достаточно бдительным, ибо в 1935 году после организации Барзасское РО НКВД он приехал в Кемерово, чтобы поехать в УНКВД (Новосибирск) и до отхода поезда, когда он приехал в Кемерово было еще 8 часов, то он сидел в фельд-связи Кемеровского ГО НКВД и ждал время отхода поезда, чтобы поехать в Новосибирск, на столе в комнате фельдсвязи где он сидел лежали абонентная телефонная книжка, когда он ее открыл и начал читать, то увидел фамилию НОСКОВ - он спросил у сидевших в этой комнате

фельдшереров из Абакана ли этот НОСКОВ, они сказали, что не знают, тогда
 он позвонил по указанному его номеру в телефонной книжке и он оказался:
 тем-же НОСКОВЫМ переброшенный из Абакана и работающий в Кемерово и он
 спросил у ВАКУРОВА, что он делает в Кемерово, где работает, ему ВАКУ-
 РОВ ответил, что работает в Барзассе Нач. РО НКВД и едет в Новосибирск,
 то НОСКОВ попросил ВАКУРОВА зайти к нему выпить чаю, так как до поезда
 оставалось еще 6 часов. ВАКУРОВ зная его как члена ВКП(б), чл. бюро
 Абаканского Обкома ВКП(б) попросил одного из работников фельдсвязи
 показать ему где улица и дом где живет НОСКОВ и тот пошел и показал
 ему и ВАКУРОВ побыл в квартире НОСКОВА 2 часа, попил чаю, говорили о
 работе в Абакане и он ушел, уехал в Новосибирск и после этого больше
 НОСКОВА не видел. На собрании партийного актива в районе он рассказал
 как пример, что он даже как работник НКВД не был достаточно бдительный
 и был у врага народа НОСКОВА и пил чай. И только его личное это выступ-
 ление послужило поводом ареста и на ВАКУРОВА работником Особо-Уполно-
 моченного преступником ОЛЬШАНСКИХ было создано фиктивное дело по обви-
 нению в к-р троцкизме, которое было направлено на Особое Совещание.
 Спустя год нахождения его под следствием в тюрьме Особое совещание
 дело ВАКУРОВА прекратило и предложило его освободить, но распоряжение
 Особого Совещания об освобождении ВАКУРОВА прибыло через 2 дня после
 его смерти. ОЛЬШАНСКИХ ВАКУРОВА замучил в тюрьме и он умер. Этот-же
 ОЛЬШАНСКИХ создал фиктивное дело на батрака Пом. оперуполномоченного
 Усть-Калманского района ВАСИЛЬЕВА, якобы восхвалявший к-р троцкистов.
 Существо дела по рассказам ВАСИЛЬЕВА было таково: он находился на ку-
 рорте где-то возле Ленинграда в конце 1936 года и когда принесли га-
 зеты с приговором над Московским к-р троцкистским центром их сидело на
 скамейке 7 человек и когда прочли, то начали говорить все, в том чис-
 ле и он, что вот сволочи, какими гадами они оказались, очень хорошо,
 что суд вынес им такой жестокий приговор, и когда после в санатории
 в кино он поспорил из-за девушки с 2-мя сотрудниками милиции отдыхав-
 шие с ним в этой санатории и сидевшие с ВАСИЛЬЕВЫМ на скамейке когда
 читали приговор над к-р троцкистским Московским центром, то они ему
 сказали в кино ты у нас будешь помнить. Через 3 месяца после его ар-
 еста с курорта его вызвали в Новосибирск и арестовали, но поступившему
 от них заявлению, что якобы когда читали приговор ВАСИЛЬЕВ восхвалял
 ЗИНОВЬЕВА, сказав, что он когда-то был предкоминтерна и имел свои тру-

истории партии сам ВАСИЛЬЕВ этого разговора не отрицал и сказал, что когда прочли приговор были в нем и фамилии презренных гадов к-р троцкистов о которых не было известно где они ранее работали и все начали говорить где кто из осужденных ранее работал, то он ВАСИЛЬЕВ сказал с некоторых, в том числе в к-р бандите ЗИНОВЬЕВ, что он когда то был пред. коминтерна и имел свои к-р историю партии, но он был как к-р революционная из "ята", то один из этих 2-х работников милиции написавший заявление на ВАСИЛЬЕВА говорил, что нет ЗИНОВЬЕВ не был пред. коминтерна и свою историю партии не имел, то ВАСИЛЬЕВ начал с ним спорить и доказывать, что он был, но как к-р был снят с этой работы и СИЛЬЕВУ допросить свидетелями остальных сидевших на скамейке когда читали газету и когда ВАСИЛЬЕВ спорил с работником милиции приславшим заявление и отказал ему в проведении очных ставок со свидетелями из "ятое у него при обыске дело с парт-документами о его вступлении в партию, валявшееся у него на этажерке написанное пахабное стихотворение "Лука Мурице" и сделал, что ВАСИЛЬЕВ якобы это пошел в партдело. Когда это дело было передано председателю Трибунала ПВО ЧИМАЛО, тот ОЛЬШАНСКИХ подговорил одного сотрудника Черепановского РО НКВД выступить в качестве свидетеля против ВАСИЛЬЕВА и осудили ВАСИЛЬЕВА на 8 лет лишения свободы и 3 года поражения в правах. Очень характерно то положение, что я будучи во время ареста в 1937 году на допросе в комнате где сидел ОЛЬШАНСКИХ я задал ему вопрос в чем обвиняется ВАСИЛЬЕВ, и будут ли его судить, то он мне ответил: Васильев получит 8 лет, это было дней за 15 до суда и действительно ЧИМАЛО пред Ревтрибунала внес приговор ВАСИЛЬЕВУ 8 лет это доказывает, что еще до суда была заранее договоренность между чиновником провокатором ОЛЬШАНСКИХ и предТрибунала ЧИМАЛО о приговоре ВАСИЛЬЕВА: Крайне тяжело было всем сидевшим в камере с ВАСИЛЬЕВЫМ видеть его состояние, он ужасно плакал, ему всего 27 лет, приехав с курорта он только женился на одной девушке комсомолке окончившая Барнаульский учительский Институт и приехавшая в район работать учительницей, она забеременела и осталась при аресте его 3-х месяцев беременности, над ним ОЛЬШАНСКИХ ужасно издевался женой о чем он из камеры подавал на имя прокурора ПВО несколько заявлений и возвращаясь с допроса от ОЛЬШАНСКИХ плакал от его издевательств.

и этого свидетеля... другим...
 ...приехал в ПВО и требовал от них...

Этим же ОЛЬШАНСКИХ было создано дело на Нач. Венгеровского РО НКВД НАДЕЕВА, который также был арестован в 1937 года по ст. 58-10 подробности о его деле я писать не буду, в его следделе должны быть его личные показания написанные в порядке 206 ст. УК на 40 листах в которых подробно с доказательствами и документами он доказывал свою невиновность и какими гнусными методами этот провокатор ОЛЬШАНСКИХ создавал на него фиктивное дело и подделывал документы о его виновности и издевался над ним. Эти же показания НАДЕЕВ писал в 3-х экземплярах и один экземпляр в ЦК ВКП(б), но наверное их ОЛЬШАНСКИХ никуда не отправлял, если в его следделе этих показаний нет, то я могу дать подробные о них показания, т.к. я их в камере читал.

МАКСИМОВ быв. оперуполномоченный ГТБ УНКВД сидел со мной в камере в 1937 году в его следделе мне известно следующее. Быв. Нач. Транспортного отдела НЕВСКИЙ и работник этого отдела ВОЛОВ арестовали группу железнодорожников на ст. Рубцовка и решила дать красивое дело, чтобы в нем был участником организации и сотрудник УНКВД, и так как до вступления в органы УНКВД МАКСИМОВ работал в Рубцовке машинистом и некоторые арестованные его знали, то его увязали, что он так-же является участником к-р троцкистской организации. Среди арестованных по этому делу был арестован и один осведомитель (фамилию его не помню) но он был хромым) от этого осведомителя взяли протокол допроса, что МАКСИМОВ якобы тоже являлся участником к-р троцкистской организации, и за это этого осведомителя при вызове подписывать протоколы в том числе и при подписывании готового отпечатанного протокола на МАКСИМОВА поили в кабинете пивом, носили из ресторана обеды, завтраки и ужины и т.д. Когда следдело по обвинению МАКСИМОВА было передано в Трибунал и этого арестованного осведомителя привели на суд-заседание Трибунала под конвоем как свидетеля, то он отвечая на ряд вопросов заданных ему МАКСИМОВЫМ на суде, несмотря на то, что его подготавливали перед судом подтвердить эти липовые показания, на суде вынужден был от них отказаться и заявить, что они фиктивные и Трибунал был вынужден МАКСИМОВА как ни в чем невиновного оправдать и из под стражи освободить. Когда УСПЕНСКИЙ, НЕВСКИЙ и ВОЛОВ узнали, что МАКСИМОВА оправдал Трибунал, то они взбесились и УСПЕНСКИЙ позвонил и написал в Москву ЕЖОВУ, чтобы дело МАКСИМОВА военная коллегия Верховного суда не утвердила и прислала его обратно в УНКВД на доследование и вторичное рассмотрение на суде. Через 3 месяца после освобождения МАКСИМОВ был вторично арестован и этого осведомителя совместно с другими арестованными по делу из тюрьмы привозили в ДПЗ и требовали от них вторично подтвердить на